

необходимыми учебными пособиями, книгами различного содержания Михалинское народное училище. Виленский союз помог книгами даже Волковысскому и Минскому братствам, передав каждому из них по 50 экземпляров, для снабжения приходских школ соответствующих уездов. А Могилевскому братству было выслано 100 руб. на «усиление средств» открытой им ремесленной школы. В указанном братском году Свято-Духовское объединение впервые специально выделило пособие отдельным учителям народных училищ в качестве жалованья или в качестве награды. Всего на нужды народного образования в 1866/1867 братском году было израсходовано 658 руб. – сумма незначительная по сравнению с расходами, связанными с оказанием помощи беднякам, неопитам и церквям [5, с. 17–18]. В целом, расходы на народное образование постепенно увеличивались и достигли в шестой братский год 3226 руб. 64 коп. В рассматриваемый период была в братском доме открыта школа (1 мая 1869 г.).

С целью получения дополнительных денежных средств Виленская православная организация открыла в 1866/1867 братском году собственный склад, хотя работа по его созданию стала проводиться еще в первый год существования указанного объединения. Тогда же было выписано из г. Москвы 25000 крестиков и сделан заказ на 10000 образков с изображением св. Виленских мучеников [6, л. 14].

Во второй братский год Свято-Духовская организация предприняла попытку наладить издательское дело, «направленное в защиту православной церкви» [5, с. 18–19]. На средства братства была переведена и издана в количестве 3200 экземпляров книга протестантского профессора Овербека «Свет с Востока». Помимо этого с целью распространения была выписана для продажи 50 экземпляров книги Ю. Самарина «Иезуиты». Трудности со сбытом указанной литературы привели к тому, что издательская деятельность Свято-Духовского союза вскоре была приостановлена на достаточно продолжительное время.

Заключение. Таким образом, в начале 1860-х гг. была предпринята безуспешная попытка создания просветительной общественной организации под названием Западно-русское братство. Сосредоточив внимание на распространении пророссийского образования, инициаторы создания указанной организации планировали учредить ее как независимый от православной церкви союз. Лишь в 1865 г. было создано объединение, которое не только по названию, но и по целям, задачам и характеру проводимой работы действительно являлось братством, то есть церковно-общественной организацией, деятельность которой определялась интересами и потребностями Русской Православной Церкви.

В первое пятилетие своего существования Свято-Духовское братство сосредоточило свою активность на благотворительности (прежде всего помощи неопитам), благоустройству храмов, развитию народного просвещения. В целом, деятельность Свято-Духовского союза была направлена на укрепление в так называемом Северо-Западном крае позиций Русской православной церкви и развитие русской культуры.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Литовский государственный исторический архив. – Фонд 378. – Оп. 71 (1863 г., общий отдел). – Д. 1366 (Дело об учреждении в г. Вильно частного общества под названием Западно-русское братство, 15.05.1863 – 9.11.1864 г.).
2. Миловидов, А.И. К 50-летию возрождения Западно-русских братств при гр. М.Н. Муравьеве / А.И. Миловидов // Вестник Виленского Св.-Духовского братства. – 1913. – № 12. – С. 230–232; № 13–14. – С. 247–251; № 15–16. – С. 275–278.
3. Открытие в Вильне православного Свято-Духовского братства // Литовские епархиальные ведомости. – 1865. – № 15. – С. 564–572.
4. Устав Виленского православного Свято-Духовского братства // Литовские епархиальные ведомости. – 1865. – № 16. – С. 595–603.
5. Отчет Виленского православного Свято-Духовского братства за 2-й год его существования, с 6-го августа 1866 по 6-е августа 1867 года, читанный в общем собрании 6-го августа 1867 года. – Вильно: типография губернского правления, 1867. – 24 с.
6. Литовский государственный исторический архив. – Фонд 378. – Оп. 73 (1865 г., общий отдел). – Д. 1528 (Дело об открытии 6-го августа 1865 года Виленского Св. Духовского братства, 06.08.1865 г. – 30.06.1866 г.).
7. Виленское православное Свято-Духовское братство // Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 45 (неофициальный отдел). – С. 377–379.
8. Пашкевич, М. Очерк тридцатилетней деятельности Виленского Свято-Духовского братства 1865–95 г. / М. Пашкевич // Литовские епархиальные ведомости. – 1895. – № 35 (неофициальный отдел). – С. 322–326, № 36 (неофициальный отдел). – С. 330–333.
9. П-[ашкеви]ча, М. Виленское Свято-Троицкое, впоследствии Свято-Духовское братство (исторический очерк) / М. Пашкевич. – Вильно: типография А.Г. Сыркина, 1890. – 116 с.

Материал поступил в редакцию 14.10.11

VOSOVICH S.M. Vilensky Piously-Duhovsky brotherhood in 1865 – first half of 1870

The article considers establishment of fraternities in the city of Vilnius in 1860's. The reasons of unsuccessful effort of organization of the Western Russian fraternity were exposed. Establishment of Holy Spirit Orthodox Church public society, it's activity during the first years of existence was analyzed. The conclusion is drawn that the activity of Vilnius Holy Spirit fraternity was directed for strengthening of positions of the Orthodox Church and development of the Russian culture.

УДК 930.2 (476.7)

Гладышук А.А.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ БЕРЕСТЕЙСКОГО ЗАМКА

Первое упоминание древнего города Западной Руси Берестья (сегодняшний Брест) в «Повести временных лет» относится к 1019 году [1], но истинный интерес к истокам истории Берестья понастоящему проявился после проведения белорусским археологом П.Ф.Лысенко беспрецедентных археологических поисков древнего города и открытия им летописного Берестья [2–6].

В связи с ослаблением великокняжеской власти и раздробленностью Киевской Руси в конце XII столетия Берестье попадает в сферу влияния владимири-волинских князей [2], не оставляют без

своего внимания древнерусский город и князья польские [7]. Именно в этот период и появляется первое упоминание о Берестейском замке [7–10]. Год хроники называют один – 1182-й.

После краткого, но вполне понятного вступления М. Стрийковский делает важное для нашей темы сообщение, которое приведем на языке источника [7]: «*Zatym też Brzeście Litewskie, roku od narodzenia Christosa Pana 1182, z posluszenstwa się Polskiego wybito i wszystek on kraj do Ruskiego przełożenstwa znowu przysłąpił. Co słyszac Kazimierz, xiąże Polskie, obległ Brzeście, i dobywszy go za 12*

Гладышук Анатолий Антонович, кандидат физико-математических наук, зав. кафедрой физики Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

dni sturmem ustawicznym, winniejszych na gardle skarał, i zamek nad miastem zbudował, który Polskimi żołnierzami przeciw Rusakow osadził, jako Długosz, Miechovius fol. 103, Wapowski, Bielski fol. 248, świadczą». Или по-русски: «Вскоре также и Берестье Литовское, в год от Рождения Христа Господа 1182, из-под польского подчинения отбилось, и весь этот край снова перешёл в русское подчинение. Услышав это, Казимир, князь польский, обложил Берестье, и взял его за 12 дней непрерывного штурма, виновных покарал смертью [то ли повесил, то ли обезглавил], и замок над городом построил, который польскими воинами против русаков осадил, как свидетельствуют Длугош, Меховит л.103, Ваповский, Бельский л.248».

Так как это событие ещё раньше описал Ян Длугош, польский историк и дипломат, секретарь краковского кардинала З. Олесницкого, в своей многотомной «Истории Польши», которую написал в 1460–1480 гг. и на которого ссылается М. Стрийковский, то следует заглянуть и в этот источник. Я. Длугош сообщает [8]: «Лета Господня 1182. Казимир, князь и монарх польский, узнав о выходе из-под послушания Берестейской земли и её столицы, расположенной над рекой Буг, сразу же взялся за оружие и, собрав войско как конное, так и пешее, быстрым маршем прибыл под Берестье [Brześć], обложил его и через двенадцать дней взял его силой. После чего главных виновников мятежа [rokoszu] покарал смертью, и замок над городом [grodek nad miastem] поставивши, обеспечил его сильным отрядом, чтобы удерживать народ в послушании под страхом наказания». Нельзя не заметить, что в обоих приведенных сообщениях речь идёт о «замке над городом», а не о городе.

Не обсуждая политическую составляющую события 1182 года, заметим, что хорошо вооружённое польское войско 12(!) дней непрерывно штурмовало город и его наилучшим образом укреплённую часть. Сомнений может не вызывать то обстоятельство, что замок, наверное, достаточно хорошо укреплённый замок, к этому времени в Берестье уже существовал, и полякам пришлось основательно осадить его,

чтобы потом штурмом овладеть и жестоко наказать защитников.

Не лишним будет отметить, что в «Великой хронике о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв.» Берестье упоминается только один раз и как раз в связи с вышеизложенными событиями, где в главе 39 «Каким образом Казимир побеждает русских», отмечено [9]: «Случилось так, что город Руси Берестье, отказавшись от повиновения Казимиру, перестал выплачивать обычные подати и стал готовить оружие для сопротивления Казимиру. Последний, собрав отряд храбрых воинов, в году от Р. Х. 1182 пошёл против него и его князя и внезапно мужественно его [город] атаковал и захватил».

Польская, заметим, а не русская хроника однозначно утверждает, что Берестье являлось городом Руси и даже имело собственного князя, который заведомо укрепил город и подготовил его к защите. Другими словами, город к тому моменту без сомнения имел хорошо укреплённый замок, иначе не объяснить 12-дневной упорной обороны. Приведенная выше фраза из польской хроники также проясняет, что Берестейская земля находилась в то время не во владении Казимира, а в его повиновении, т.е. вассальной зависимости, что далеко не одно и то же. Но как бы там ни было, **Берестейский замок именно с 1182 года** именуется замком и отсчитывает уже собственную хроника своих дальнейших событий.

Исследователь белорусских замков М.А.Ткачёв [10–11] по непонятной причине сведения польских хроник в отношении Берестья не приводит, а относит строительство укреплений Берестья к 1259 году, когда владимирово-волинский князь Владимир Васильевич «в Берестии же създа стльъ камень, высоту яко и каменецкый». Но, тем не менее, будет не безынтересно взглянуть в указанных монографиях М.А.Ткачёва на даты первых письменных упоминаний других белорусских замков: Новогрудский замок – вторая половина XIII в., 1274 г.; Каменецкая вежа – между 1276 и 1288 гг.; Городненский замок – XIII в., 1277 г.; Лидский замок – 1323 г.; Кревский замок – 30-е годы XIV в., с 1338 по 1345 гг. в замке жил Ольгерд Гедиминович; Менск – XIII в.,

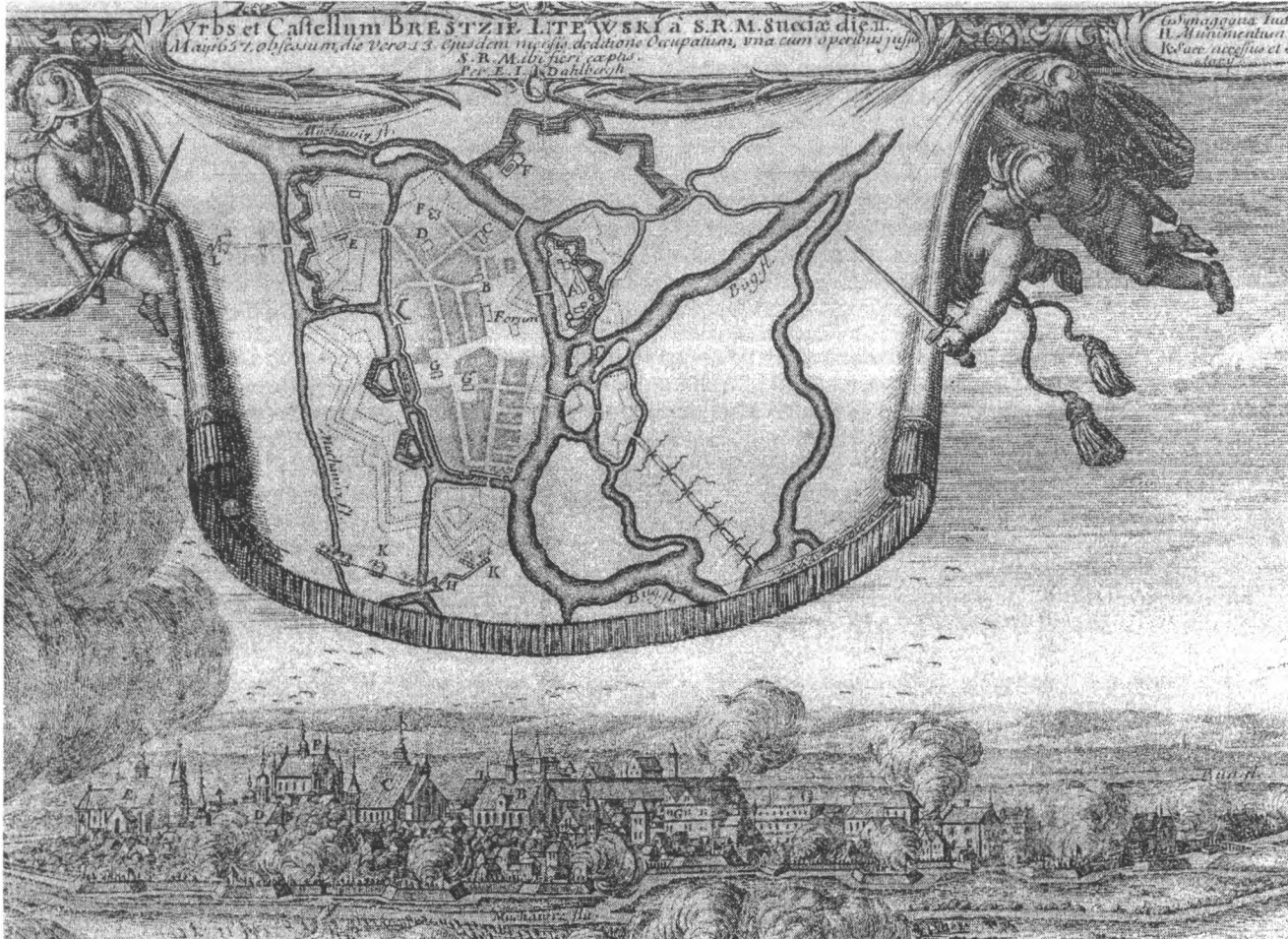

Рис. 1. Фрагмент гравюры Э. Дальберга 1657 г.

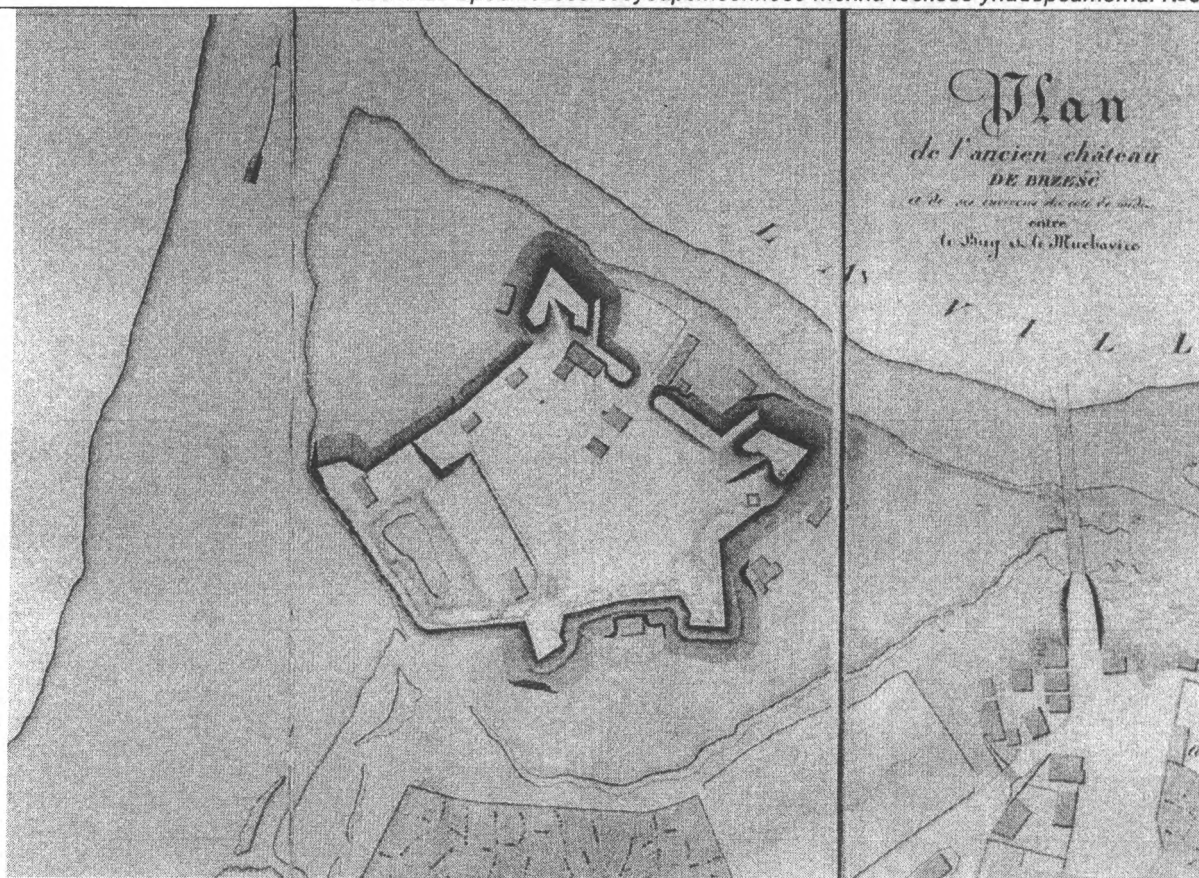

Рис. 2. Фрагмент плана замка конца XVIII – начала XIX вв.

но письменное упоминание только в 1434 г.; Орша – 1397 г.; Полоцкие замки – в середине XI в. возведён Софийский собор, никаких описаний укреплений XIV–XV вв. не сохранилось, сообщается только о «Волковой башне» в документах XIV в.; Гольшанский замок – с XIII в.; Витебск – первая половина XIV в. «3 стены камены», 1351 г.; Мстислав – 1358 г.; Кричев – 1358 г.; Слуцк – 1409 г.; Гомель – XIV в., 1406–1419 гг.; замок в Геранёнах – предположительно в 1493 г.; Бобруйск – 1502 г.; Мирский замок – 1506–1510 гг.; Борисов – 1514 г.; Могилёв – 1526 г.; Мозырь – 1528 г.; замок в Любче – 1580-е гг.; Заславский замок – XVI в.; Несвижский замок – XVI в.; Быхов – 1590 г.; замок в Смольянах – 20-е гг. XVII в.; Гайтونيшки – 1613 г. и т. д.

Отсюда следует, что если Софийский собор в Полоцке считать всё же собором, а не замком, то Берестейский замок имеет все шансы возглавить список белорусских замков. Осталось заглянуть только в монографию П.Ф. Лысенко [12] «Города Туровской земли». О самом Турове, как известно, летопись сообщает под 980 годом, но, как заметил П.Ф. Лысенко, отголоски сведений о замке Туровском имеют пометку лишь 1725 годом.

Всё сказанное указывает на то, что Берестейский замок является действительно древнейшим, если не самым древним замком Беларуси. К сожалению, даже «Энциклопедия ВКЛ» это обстоятельство игнорирует [13].

Первое дошедшее до нас описание Берестейского замка датируется 1566 годом [14], а первый план с частичным изображением самого замка (рис. 1) известен по гравюре шведа Э. Дальберга [15]. Справимся о размерах Берестейского замка у белорусского историка М.А. Ткачёва [10–11], который свою оценку делает из масштабированного «Плана древнего замка Берестя и окружающих его пригородов с южной стороны между Бугом и Мухавцем» [16], так как на самом плане, выполненном на французском языке, дата не указана. «Мысовое городище» Берестейского замка М.А.Ткачёвым аппроксимировано равнобедренным треугольником со сторонами $234 \times 187 \times 234$ м, что даёт площадь несколько более 2 га. Если же «мысовое городище» замка разбить условно на две фигуры: треугольник со сторонами $142 \times 215 \times 142$ м и прямоугольник со сторона-

ми 175×78 м, то получим несколько большую площадь в 2,3 га, на которой согласно плану (рис. 2), располагался «Château de Brzesć».

Этот результат хорошо коррелирует со всеми известными планами Берестейского замка кроме плана Э. Дальберга 1657 года, на котором конфигурация замка является совсем иной. Это, собственно, и даёт основание считать план Э. Дальберга не совсем точным. Правда, письменный реестр 1566 года [14], оставленный нам ревизором Его Королевской Милости Дмитрием Сапегой, на что нельзя не обратить внимание, полностью соответствует пространственной расстановке пяти каменных веж замка на упомянутом плане Э. Дальберга 1657 года (рис. 1), т. е. примерно через 90 лет после составления реестра, что, конечно, случайным быть не может [14]: «Веж замковыхъ пять направныхъ: На одной зекгарь одъ мѣста, (п. 292) которій звѣзди бѣеть. Другая вежа од Мухавца на востодъ сонца; третья одъ Замуховечя наполь до полудне; четвертая от Буга на полудне летнее; пятая над бронюю старою зъ гканкомъ на верху, на которой на верху звонъ великий з Вол[ы]ни привезенихъ».

Если же принять во внимание, что замок на плане Э. Дальберга 1657 года напоминает геометрическую фигуру несколько деформированного сегмента, а длина Центрального острова («от мыса до мыса») и расстояния между сохранившимися руинами строений того периода дают возможность оценить размеры самого замка, по крайней мере, по его длинной стороне, то путём несложных вычислений имеется возможность сопоставить площадь «мысового городища» замка конца XVIII – начала XIX вв. с площадью замка на плане Э. Дальберга. Результаты сравнения однозначны: площадь замка на плане Э. Дальберга значительно уступает площади «мысового городища», более чем в три раза, что никак нельзя отнести к погрешности оценочных вычислений.

В этом смысле интерес представляет Берестейский замок на другом плане Э. Дальберга того же времени (рис. 3), опубликованном впервые А. Котлярчуком [17], на котором «замковый сегмент» выглядит более правильным и имеет иное отношение хорды к высоте, чем на гравюре Э. Дальберга (рис. 1), что даёт оценочный результат площади замка примерно в полтора раза больший предыдущего.

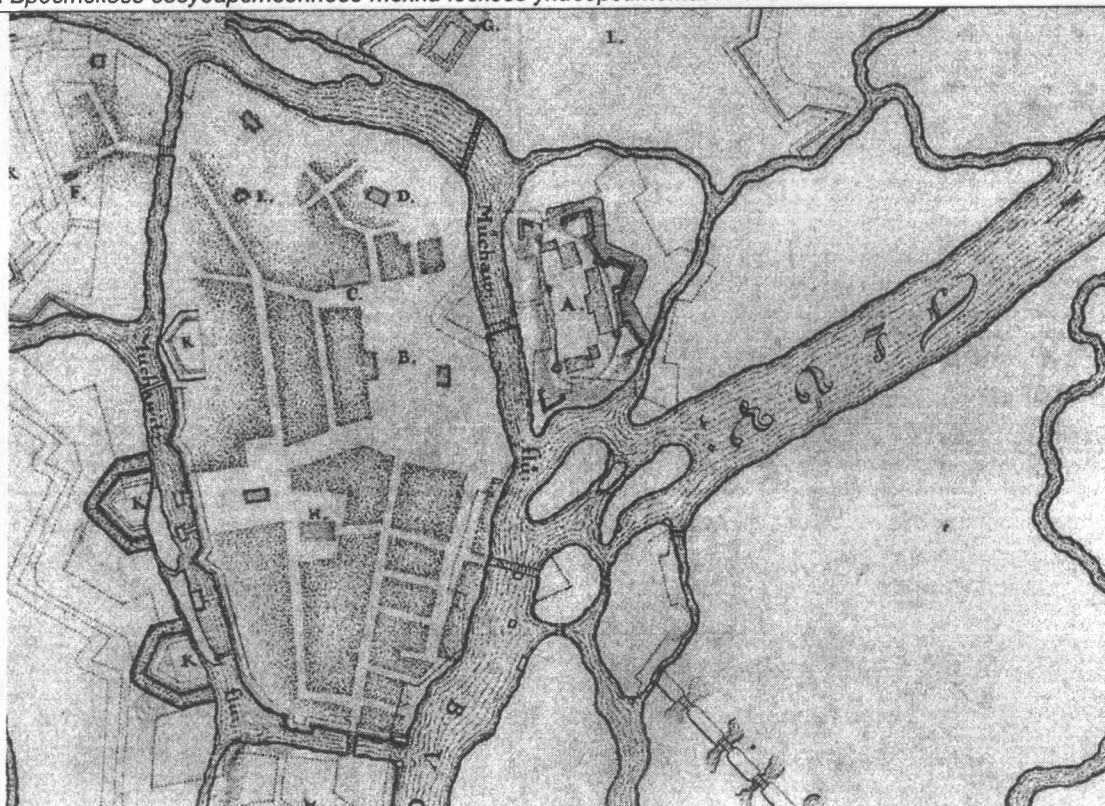

Рис. 3. Фрагмент плана замка Э. Дальберга 1657 г.

Несоответствие площадей замка на приведенных планах, как и, собственно, самой топографической конфигурации замка, даёт основание предположить, что между 1657 г. (планы Дальберга) и временем создания плана Берестя, известным как план Фюрстенгоффа 1740 г. [18], на котором «мысовое городище» замка читается уже как «равнобедренный треугольник», с Берестейским замком произошли существенные изменения. Так как на плане Фюрстенгоффа (рис. 4) отсутствует квадратная в плане каменная колокольня иезуитов, строительством которой, как сообщает Е.Д. Квитницкая [19], началось в 1692 году, то это позволяет изготовление оригинала плана Фюрстенгоффа отнести примерно к 1690 г. Заметим, А. Белый [20], который этот план отыскал в Прусской государственной библиотеке в Берлине, относит его к началу XVIII в.

Тогда всё сказанное склоняет к тому, что между 1657 и примерно 1690 гг. Берестейский замок был существенно реконструирован, в первую очередь из-за его возможного разрушения во время взятия московским воеводой И.А. Хованским в 1660 г. или позже [11]. Поэтому реально предположить, что на планах после 1690 г. имеет место уже перестроенный замок со значительно большей площадью, охватывающей весь мыс, где, кстати, ни одной замковой башни на планах не указано, которые, возможно, к тому времени были до основания или частично разрушены, а сам замок за счёт его расширения приобрел совсем иные очертания. Нет замковых вех также и на плане Фюрстенгоффа (рис. 4), что объяснить простой картографической погрешностью выглядит сомнительным для такого детализированного плана.

Но две доминанты Берестейского замка, которые выглядят отсюда из-за замковой стены на гравюре Э. Дальберга (рис. 1): «На одной зенгарь одь места, которий завжди бьётъ и «другая вежа од Мухавца на востодь сонца», определяли размеры замка со стороны города, и могут помочь в дальнейших расчётах относительного сравнения размеров именно этой стороны замка от Мухавца на разных планах, т.е. со стороны современного Центрального острова крепости.

Если принять за базовый «французский план» конца XVIII – начала XIX вв. (рис. 2), во-первых, из-за возможности оперировать двумя масштабами: французским и русским, а, во-вторых, по той

причине, что этот план выполнялся исключительно для замка; и при измерении стороны замка от Мухавца принимать во внимание её конфигурационные особенности нанесения на разных планах, то после несложных вычислений нетрудно убедиться в согласующемся соотношении размеров этой стороны на планах 1807 [21] и 1823 [22] гг., как 1:0,98:1,16, что вполне укладывается в допущения выбранного метода оценки.

Несколько в большую сторону отклоняется это отношение (1:1,27) на плане Фюрстенгоффа [18], что может быть объяснено как некоторой неточностью самого плана (1690 г.), так и более поздними фортификационными работами, которые могли иметь место в замке. Но тем не менее существенно противоречащих отклонений размеров северной стороны замка на разных планах с учётом выбранного метода оценки не наблюдается.

На гравюре (рис. 1) и плане Дальберга (рис. 3) искомую сторону можно также измерить и оценить как расстояние между двумя башнями, стоящими со стороны города. Результаты сравнения здесь выглядят следующим образом – 1: 1,23:0,94. Что хорошо согласуется с предыдущим сравнением.

Если теперь принять во внимание оценочный характер самих расчётов, то нетрудно предположить, что размеры северной замковой стороны от города всегда приблизительно соответствовали расстоянию между доминирующими каменными башнями замка. Это может означать, что основания разрушенных указанных двух башен могли удерживать размеры северной стены замка при его более поздней дальнейшей реконструкции, что выглядит в данном предположении вполне логичным.

Теперь остаётся вспомнить о топографическом плане современной крепости, на котором в указанном месте доминируют, надо думать, ещё со времён замка два искусственных возвышения с отметками 140,22 и 144,60 м, расстояние между краями которых составляет примерно 110 м, что не просто согласуется, а чудесным образом совмещается с «французским планом» конца XVIII – начала XIX вв. [16], на котором северная стена замка имеет длину примерно 115 м! Такие совпадения случайными не бывают.

Рис. 4. Фрагмент копии плана замка Г. Фюрстенгоффа 1740 г.

Значит, вполне логично предположить, что два «замковых» холма, «охраняющие» вход в воздвигнутый П.Ф. Лысенко археологический музей «Берестье» есть не что иное, как возможное местоположение двух замковых веж, одна из которых «вежа од Мухавца на востокъ сонца» являлась самой древней, построенной, видимо, ещё князем Владимиром Васильковичем.

Выдвинутую гипотезу о возможной локализации замковых веж не отрицают, а наоборот, подтверждают археологические раскопки 1938 г., инициированные польским подполковником Т. Жуком-Рыбицким [23–24], материалы исследований которого были переданы его сыном вначале в Бялую Подляску, а оттуда в Брестскую областную библиотеку. Т. Жук-Рыбицкий в своих действиях в основном руководствовался планом замка на гравюре Э. Дальберга (рис. 1). Оба заложенные им раскопа вели от Мухавца через дорогу к предполагаемому расположению замковых башен. В первом раскопе, который был ориентирован на «зекгаревую вежу», были вскоре обнаружены примерно на глубине 2 м следы кирпичного друза, что указывало на приближение к месту, где находился каменный объект, как об этом сообщает сам Т. Жук-Рыбицкий. Кроме этого, из первого раскопа были извлечены многочисленные куски керамики: от примитивной XIV–XV вв., до покрытой разноцветной эмалью – XVI–XVII вв.; кирпич примитивной работы со следами углублений от пальцев, несколько кирпичин специальной формы, значительно превышающих размер обычного кирпича и с выступающим загнутым изгибом. Эти «кирпичины специальной формы», которые изобразил в своём отчёте Т. Жук-Рыбицкий, могут являться ничем иным, как «roll-moulding», т.е. камнями-капельниками для создания горизонтального пояса с целью предотвращения стекания воды по каменной стене. Что для высокой «зекгаревой» башни являлось актуальным.

Второй археологический раскоп располагался ближе к восточной части замка. К результатам здесь, во-первых, следует отнести чёткое прослеживание более ранних наслоений замковых валов, во-вторых, в толще древних наслоений замкового вала была обнаружена линия свай, которая, выйдя с древних наслоений вала, создавала угол, близ-

кий к прямому, и шла дальше вдоль дороги, упираясь в каменную стенку. Можно предположить, что здесь при раскопках наткнулись на угол древнего замка. В-третьих, линия деревянных свай у основания вала, идущих вдоль дороги (вдоль реки Мухавец) упёрлась в каменную стену, которая была сложена с полевого камня на основании битого кирпича, как бы цементированного. Стена эта имеет внушительные размеры: ширина её около 1,5 метра и высота – 2 метра, её основание находится в 0,5 метра от подошвы замкового вала.

Осенью 1938 г. по указанию Т. Жука-Рыбицкого деревянные части в раскопе были хорошо законсервированы глиной, песком, потом ещё глиной и траншеи засыпаны землёй. Определить сегодня места раскопов Т. Жука-Рыбицкого не составляет большой технической проблемы, а значит, тем самым, открывается возможность продолжить начатые в 1938 г. исследования Берестейского замка.

И, наконец, при пробной попытке исследовать подножие одного из упомянутых холмов с помощью георадара осенью 2008 г. была обнаружена аномалия в виде плавной дуги, указывающая на возможное расположение здесь оснований, имеющих округлую форму.

В любом случае последнее слово в исследованиях и поисках Берестейского замка должны сказать археологи.

Автор благодарит Никитчика А.Д. за полезные дискуссии и реальную помощь, оказанную при подготовке статьи.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Повесть временных лет. – М.; Л., 1951, Ч. I. – С. 98.
2. Лысенко, П.Ф. Берестье. – Минск: Наука и техника, 1985. – 399 с.
3. Гладышчук, А.А. Бярэсце – горад старажытна // Родная прырода. – Минск: Польшыма, 1983. – № 6. – С. 12–13.
4. Лысенко, П.Ф. Открытие Берестья. – Минск: Наука и техника, 1989. – 159 с.
5. Лысенко, П.Ф. Туровская земля IX–XIII вв. – Минск: Белорусская наука, 2001. – С. 81–84.

6. Лысенко, П.Ф. Открытие Берестья. – 2-е изд., дополн. – Минск: Белорусская наука, 2007. – 181 с.
7. Strykowski, M. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi. – Warszawa: Nakład Gustawa Leona Glücksberga, Księgarza, 1846. – Т. I. – С. 203.
8. Długosz, J. Dzieje Polski. – Krakow, 1868. – Т. II.
9. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI – XIII вв. / Под редакцией В.Л. Янина. – Москва: Издательство Московского университета, 1987. – С. 122.
10. Ткачѳв, М.А. Замки Белоруссии. – Минск: Польша, 1987. – 222 с.
11. Ткачѳв, М.А. Замки Беларуси. – Минск: Беларусь, 2005. – 200 с.
12. Лысенко, П.Ф. Города Туровской земли. – Минск: Наука и техника, 1974. – 199 с.
13. Энциклапедыя ВКЛ. – Минск: Беларуская энцыклапедыя, 2005. – С. 318–319. – Т. 1.
14. Документы Московского архива Министерства юстиции / Под ред. М. Довнара-Запольского. – Москва: 1897 – Т. 1. // Описание старосты Берестейскаго 1566 года. – С. 205–448.
15. Puffendorf, S. De rebus a Carlo Gustavo Sueciae Rege gestis commentariorum. – Norimbergae, 1696. – Libri septem. – Urbs et castellum Brestzie Litewski.
16. Plan de l'ancien château DE BRZEŚĆ // РГВИА г. Москва. – Ф. 349. – Оп. 4. – Дело 129. – Л. 1 (предоставлен сайтом ibrest.ru).
17. Kotljarchuk A. In the Shadows of Poland and Russia. The Grand of Lithuania and Sweden in the mid-17th Century. – Sodertoms hogskola, 2006. – 348 s.
18. Plan von der Stadt BRZESC in Lithauen. G.M.v. Fürstenhoff. – 1740. – XX 160 (предоставлен Брестской областной библиотекой им. А.М. Горького).
19. Квитницкая, Е.Д. Белорусские коллегиумы XVIII в. // Архитектурное наследие. – Москва, 1972. – Т. 19. – С. 12–26.
20. Белы, А. Пляны гарадоў Беларусі з калекцыі Яна Георга Максымільяна фон Фюрстэнхофа. [Электронны рэсурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://bely.litvin.org/fursten.htm>. – Дата доступа: 26.05.2008.
21. План 1807 года г. Брест-Литовска с означенной вновь прожектируемой крепостью // РГВИА г. Москва. – Ф. 349. – Оп. 4. – Дело 124. – Л. 1 (предоставлен сайтом ibrest.ru).
22. План 1823 года г. Брест-Литовского и м-ка Тересполья// РГВИА г. Москва. – Ф. 349 (предоставлен сайтом ibrest.ru).
23. Żuk-Rybicki T. Pamiętniki. – Manuscript. – S. 383–434.
24. Пиваварчык, С. Невядомыя раскопкі Брэста ў 1938 годзе // Гістарычна-археалагічны зборнік. – № 14. – Мінск, 1999. – С. 171–177.

Материал поступил в редакцию 25.10.11

GLADYSHCHUK A.A. Historical Topography of Beresty Castle

The first dated record of Beresty Castle is listed in the article. Based on comparison of the castle's squares on topography plans it was shown that castle was dramatically changed in 17th century. Possible length of northern wall is equal to distance between dominated towers (before they were ruined).

УДК 94(476,7)

Никитчик А.Д., Никитчик Т.А.

ПЕРВАЯ БЕРЕСТЕЙСКАЯ МАГДЕБУРГИЯ. СОБЫТИЯ И ПОДРОБНОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ И ИСТОРИИ

Среди множества событий, касающихся Берестья и документов их освещающих, то ли скрытых в тумане политического замалчивания, то ли неизвестных, то ли легендарных, то ли просто надуманных и образованных историческим серпантинном существования города, ярко отличается трагизмом, своей неординарностью, кровавыми политическими интригами, периодическим межконфессиональным озлоблением век XIV, точнее его последнее двадцатилетие. Ведущее место в этом периоде принадлежит событию, поднявшему северную столицу Руси или южную столицу Литвы - Берестье до уровня первых городов Литовского государства. Этим событием является появление Магдебургского права у русского¹ по духу города Берестья. В массиве сегодняшних знаний о городе и, в частности, о трагедии Берестья 1390 г., представлении событий, вокруг г. Берестья происходящих незадолго до второй войны гедиминовых внуков и приведших в итоге к появлению персонифицированного неопределенного конфронтационного военно-политического акта, данного городу, произошли большие подвижки. Однако массив этих знаний стал еще более многосложным, уже более высокого уровня. Детали и акценты, составляющие его, приобретают повышенную ценность.

В споре первенства в получении городских свобод по немецкому праву для двух первых городов Литовского княжества, первый из них, пионер этого процесса, оказывается первенство уступившим. Получение Магдебургского права Вильно было напрямую связано двумя стратегическими посылами: 1. Сделать Вильно мощной столицей Литвы и 2. Приравнять ее к столице Польши Кракову [1, с. 81] и другим

европейским городам. Что в этой мотивации превалирует, сказать трудно, поэтому стремление образовать столицу из Скиргайлового Вильно породило документ 1387 г. с таким скомканным содержанием. Это была просто декларация планов на перспективу, обозначение вектора, по которому пойдет развитие. Назначая старосту главой всей судебной системы и сохраняя существующие юрисдикции, радикально нового, полноценного тевтонского права город не почувствовал. Одним из главных доказательств такого введения М.п. в Вильно было не устранение старостинским судом связи окрестного населения старосты со своим юридическим начальником. Кто был в присуде старосты до 1387 г., те же остались после. Самое несоответствующее немецкому праву событие – в Вильно не произошло отделение города от общины. Очередным доказательством виленского Магдебургского казуса является лишь обещание короля подтвердить привелеи по возвращении в Краков. Очень интересный правовой прецедент с Вильно еще ждет своего разрешения. Единственный раз в практике короля Владислава было то, что он предложил переутвердить свое решение. Тогда первое (1387 г.) было каким? Поспешным, сырым, абстрактным, сверхмодернистским? Оставим Вильно на суд историков, нас более интересует Берестье.

Повод к наделению города немецким правом мог случиться несколько позже, при установлении крепкой централизованной власти одного из Великих князей Литовских с ясными политическими и экономическими мотивами. Время поиска консенсуса спалось, и так случилось, что два пионерных события – Вильно (1387 г.) и Берестье (1390 г.) – открывают новую эпоху в истории Города. Основной процесс взрывного количества пожалований немецкой экономической **Никитчик Анатолий Данилович**, инженер редакционно-издательского отдела Брестского государственного технического университета.

Никитчик Татьяна Анатольевна, студентка строительного факультета Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

¹ «Руский» (синонимы: «руский», «русский», «руський», «роуський») обозначает принадлежность города Берестья (Берестейской земли) по этническому и географическому признакам к территории Владимиро-Вольнской Руси и затем к Великому княжеству Литовскому. Берестейская земля с декабря 1322 г. находилась во владении Любарта Гедиминовича, в 1349 г. оказалась во владении Кейстута, в 1353 г. окончательно закреплена за ним, с 1378 г. находилась в унаследованном владении Витовта.